

Александр Грин

Трюм и палуба

Александр Грин

Трюм и палуба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=569685

Аннотация

«С медленным, унылым грохотом ворочались краны, торопливо стучали тачки, яростно гремели лебедки. Из дверей серых пакгаузов тянулись пестрые вереницы грузчиков. С ящиками, с бочонками на спине люди поднимались по отлогим трапам, складывали свою ношу возле огромных, четырехугольных пастей трюма и снова бежали вниз, цветные, как арлекины, и грязные, как земля. Албанское и анатолийское солнце покрыло их лица бронзовым загаром, пощадив зубы и белки глаз...»

Содержание

I	4
II	13
III	21
IV	27
V	34

Александр Степанович Грин Трюм и палуба

I

С медленным, унылым грохотом ворочались краны, то-ропливо стучали тачки, яростно гремели лебедки. Из дверей серых пакгаузов тянулись пестрые вереницы грузчиков. С ящиками, с бочонками на спине люди поднимались по отлогим трапам, складывали свою ношу возле огромных, четырехугольных пастей трюма и снова бежали вниз, цветные, как арлекины, и грязные, как земля. Албанское и анатолийское¹ солнце покрыло их лица бронзовым загаром, пощадив зубы и белки глаз.

«Вега» оканчивала погрузку. Ее правильная, однообразная жизнь была известна всему городу: два рейса в месяц, один круговой и один прямой. Подчищенный и вымытый, украшенный с носа и кормы золотой резьбой, пароход этот производил впечатление туриста средней руки, окруженного грузчиками – угольными шхунами и нефтяными баркасами. Он был всем: гостиницей, буфетом, носильщиком, ком-

---

¹ Анатолия – восточная Турция.

мивоваяжером... скучный, каботажный² старик.

А невдалеке от него, у веселой и грязной набережной, в пыльном грохоте и звоне труда отдыхали сумрачные бродяги из Тулона и Гавра, Лондона и Ньюкэстля, Бомбея и Сингапура. Неведомое волнение тянуло к ним, как будто от грязных, стройных корпусов их летело дыхание океана и глухая музыка отдаленных бездн. Казалось, что в своем коротком плену, прикованные к стальным кольцам молот толстыми тросами, они спят, вспоминая тайны опасных странствий, бешенство тропических бурь, вулканы и рифы, цветущие острова, всю яркую роскошь тропиков, – истинно царский подарок, брошенный солнцем своей возлюбленной.

Когда розовый дым утреннего тумана гаснет над дрожащей от холода, тихой и зеленой водой, – поднимаются сонные матросы и чистят плавучие гостиницы.

Моют палубы, трут медные части, подкрашивают ватервейс³. Но бродяги спят еще в это время: они устали, и кокетство им не к лицу.

Вокруг «Веги» громоздились закопченные трубы пароходов, бесшумно выкидывая ленивый, густой дым. Из города, убежавшего вверх кольцеобразными, каменными уступами, неся шум экипажей и неопределенное звуковое содержание жизни сотен тысяч людей.

Гавань сверкала и пела. Громадное напряжение звуков и

---

² Каботаж – плавание в пределах одного моря.

³ Ватер-вейс – желоб для стока воды, проходит у бортов.

красок, брошенное в небольшой уголок земли, как гнездо золота в расщелину кварца, утомляло, рассеивало мысли, воскрешало сказки. Эта неровная, голубая бухта с желтыми берегами и тысячами судов таила в себе жуткое, шумное очарование веками накопленных богатств, риска и опьянения, смерти и жизни.

«Вега» поглощала груз жадно и безостановочно. Бегали агенты, размахивая желтыми пачками ордеров, кричали и исчезали в складах. Взывались стропы, охватывая двойной петлей сотни пудов, гремела цепь, грохотала лебедка; цепь натягивалась, вздрагивая под тяжестью добычи, кто-то кричал: «Майна!...»⁴, и, плавно колыхаясь, груз устремлялся в глубину трюма, где уже ждали десятки рук, отцепляли стропы, тащили мешки и ящики в темные, сырые углы и складывали их там плотными возвышениями.

– Хабарда!⁵ – кричали турки, стремительно пробегая с тяжестью на спине.

– Вира! – надрывались внизу, в трюме, глухие, гулкие голоса.

– Изюм в Анапу, двадцать четыре места!

– Пипа двести ящиков – Новороссийск!

– Железо в Туапсе!

– АБ или АС? – черт вас побери!

– Давай живей! Давай живей! Ходи веселей!

---

⁴ Майна – вниз (жарг.).

⁵ Хабарда – берегись.

- Не лезьте под руку, говорят вам!
- А вы не толкайтесь!
- Хабарда!
- Говорят вам, не мешайте!
- Я желаю видеть старшего помощника.
- Помощника? Вакансий нет.
- Мне нужно старшего помощника.
- А вам зачем?
- Я не ищу вакансий. Я желаю видеть его по делу.
- Станьте же в сторону.
- Хорошо.

Вахтенный матрос поправил съехавшую на затылок фуражку, обтер рукавом вспотевшее лицо и устало покосился на собеседника. Тот встал подальше от трюма и рассеянно осмотрелся.

Это был плотный, медленный в движениях человек, слегка сутулый, в парусинном пиджаке и черных матросских брюках. Вместо жилета он носил тельник с широкими синими полосами и красный кушак. Черные, коротко остриженные волосы прикрывала серая «джонка», шапка английского покроя. Лицо его казалось типичным лицом человека случая, молодца на все руки: если нужно – кок или матрос, в нужде – поденщик, при случае – угольщик, иногда – сутенер, особенно в периоды «смертельного декофта»⁶, столь частого среди мелкого морского люда. Низкий лоб, серые глаза, пол-

---

⁶ Декофт – голодовка.

ные угрюмой беспечности, загорелая кожа, короткий, тупой нос, редкие усы; в правом ухе маленькая золотая серьга.

Большая партия риса, сто сахарных бочек в Севастополь и машинное масло в Керчь подходили к концу. Все быстрее развертывался строп, ложась длинной петлей на раскаленные солнцем камни мола, и из трубы «Веги» повалил густой дым – разводили пары. Немногочисленные пассажиры толкались и бегали, устраивая свои пожитки на палубе и в классных каютах; сипло завыл гудок, первый сигнал отплытия.

– Эй, приятель! – сказал матрос. – Вот старший помощник!

Костлявая фигура с желчным лицом бродила на палубе, теребя узенькую бородку и щурясь от солнца. Парень неловко протискался среди ящичков и разного хлама, низко поклонился, сдернул свою джонку и просительно замигал. Круглая, стриженная голова бросилась в глаза моряку; он сморщился, точно собираясь чихнуть, и медленно процедил:

– Вакансий нет.

– Извините, – сказал парень, оглядываясь на пристань, – окажите божескую милость!

– Ну?

– Не откажите насчет проезда. За работу.

– Это бесплатно? Эй, не задерживай! – крикнул моряк кочегару, стоявшему у лебедки. – Нет!

– Никаких нет способов, господин помощник. Что будете

делать? Третий месяц хожу без...

– Врешь ведь! – перебил моряк, пыхая папиросой. – Просто лодырь, а?

– Нет, я не лодырь, – спокойно возразил парень. – Я матрос.

– Куда едешь?

– В Керчь.

– Зачем?

– К матери и сестре.

– Очень ты им нужен. Нет, не могу.

– Я буду работать.

– А, черт с твоей работой! Проси в конторе.

– Три места в Батум! Осторожнее, эй! Верхом держи!

Парень оглянулся. Желтая бумажка ордера перешла из рук грузчика в руки штурмана. Юноша принял ее, сидя верхом на опрокинутой бочке.

– Что? – спросил желчный моряк.

– Стекло! посуда! – радостно объявил штурман и засмеялся. Ему было двадцать три года. Сейчас же и неизвестно почему нахмурившись, он крикнул с деловым видом: – Эй, вы, пустомели! – ходи, ходи!

Парень смотрел глазами и ушами. Лицо его сразу подобралось и вытянулось. Три больших ящика медленно выползли из-за борта по наклону деревянного щита и повисли над трюмом.

Потом глаза его стали равнодушными, а лицо печальным;

казалось, жестокосердие моряка его сильно удручало. Он переступал с ноги на ногу, подвигаясь к трюму, и тихо повторил глухим, умоляющим голосом:

– Будьте такие добрые! Нет ни копейки, все...

– Отстань! – моряк досадливо передернул плечами. – Вас тут столько шляется, что хоть на балласт употребляй. Я не могу, сказано тебе это или нет?

Груз плавно колыхался в воздухе, вздрагивая и покачиваясь. Парень быстро осмотрел его: канат плотно охватывал ящики.

– Майна! – взревел турок.

Громыкнула цепь, и ящики ринулись вниз, мелькнув светлым пятном в сумрачном отверстии трюма. Через минуту из глубины долетел стук, и цепь, болтаясь, взвилась вверх, на крюке ее висел строп.

– А-ха-ха! – сказал парень, заглядывая в трюм. – Происшествие!

– Ты чего? – вскипел старший помощник. – Пошел вон!

– Шапку уронил, – растерялся проситель, нагибаясь еще ниже. – И как это я...

– Разиня! – бодро крикнул жизнерадостный штурман, смеясь глазами. – Куда смотрел?

Желчный моряк плюнул и отошел в сторону. Ему был противен этот слоняющийся бездельник, паразит гавани, живущий сегодняшним днем. Он не выносил бродяг, разъезжающих из порта в порт, пьяниц с сомнительной репута-

цией, людей, не умеющих держаться на судне более месяца. К тому же у него были свои заботы. Нельзя обременять людей пустяками.

– Полезем! – сказал стриженный человек, подходя к трапу. Выжидательная улыбка штурмана сопровождала его.

– Шапка тирял! – оскалился турок, подмигивая другим. – Караш малчык, шапка плохой!

– Эй! – закричали из трюма. – Шапка чья? Эй!

Парень ступил на отвесные перекладыны трапа и стал опускаться, неловко перебирая руками. Внизу его ждали. Маленький, юркий матрос, растопырив на пальцах злополучную джонку, протягивал ее собственнику. Грузчики смотрели неодобрительно.

– Честь имею поднести – головка ваша, – сказал матрос. – Хорошая голова, складная!..

Кто-то, пыльный и темный, проворчал в углу:

– Не мог свое сокровище на палубе обождать!..

Парень молча надел шапку. Трюм был почти весь забит грузом, и только в середине, под самым люком, оставалась небольшая квадратная пустота. Было прохладно, слегка отдавало сыростью, мышами и сушеными фруктами. Ящики с посудой лежали на плоских, тугих мешках, каждый отдельно.

– Ну – вира⁷ отсюда, приятель! – сказал матрос. – Головка при вас, айда!..

---

⁷ Вира – вверх (жарг.).

Парень занес ногу на трап и спросил:

– Много грузить?

– Четырнадцать тысяч прессованных леших, – озабоченно проговорил матрос. – Нет, немного, кажись. Местов тридцать, не более, сюда еще пойдет.

– Так, – сказал парень. – Прощайте.

– Отчаливайте. Без вакансии?

– Нет, проехать хочу.

– Ага! Черти, легче майнать!

Отвергнутый пассажир влез на палубу и пошел домой с веселым лицом. Ящики не были завалены грузом – только это и нужно было ему знать: ехать он никуда не собирался.

II

– Из тебя никогда не будет толку, Синявский. Это я тебе верно говорю, безо всякой фальши. Я, брат, знаю людей.

– Ну вот извольте видеть, – уныло пробормотал мальчик, с ненавистью косясь на добродушное, жуликоватое лицо матроса. – Чем я виноват, что тебе хочется спать? Ты жалованье получаешь, а я сам плачу за харчи девять рублей! Очень хорошо с твоей стороны!

Трое остальных сидели мрачно и выжидательно, делая вид, что поведение Синявского крайне несправедливо. Из углов кубрика⁸, с узких, похожих на ящики, коек несся тяжелый храп уснувших матросов. В такт ударам винта вздрагивала лампа, подвешенная над столом, колыхая уродливые тени бодрствующих.

– Мартын, – продолжал тот же матрос тихим, оскорбленным голосом: – посмотри на него, вот, возьми его, белого арапа, морскую чучелу, одесское ракло⁹...

– Биркин! – вскричал Синявский, – не ругайся, пожалуйста!

– А то я напишу папе и маме! – вставил быстроглазый Бурак, шмыгая рябым носом. – Эх ты, граммофон!

---

⁸ Кубрик – общая матросская каюта.

⁹ Ракло – вор.

– Ты послушай, Синявский, – дружески улещал юношу Биркин, – я тебе что скажу! Ты, брат, молодой парень, жизни морской не знаешь, ты вообще, вкратце говоря, – что? Морское недоразумение. Промеж товарищей так не делают. Ну – убудет тебя, что ли? Постоишь час – потом дрыхни хоть целый день! Вот тебе крест! Да чего там, я твою вахту завтра отстою и квит! Чего зубы скалишь? Я, брат, правильный человек! Как боцман встанет, я к нему: – Алексеич! нехай спит Синявский! – Разрази меня на месте, если ты не будешь спать до Анапы!

– Биркин, да ты ведь врешь! – тоскливо зевнул Синявский. – Кто тебе поверит, тот трех дней не проживет!

– Кто врет – я? – Биркин величественно встал, драпируясь в клеенчатый дождевик – «винцераду». – Лопни моя печенька, тресни мои глаза, убей меня гром и молния, пусть моему деду... Дурень, кому ты нужен, такой красивый – обманывать?! Это вы уж – ох! при себе оставьте! Кроме того, – Биркин прищурил глаза и чмокнул, – в Батум придем – к грузинкам сведу, по духанам пойдем чихирь пробовать, налимемся, как свиньи... Ну, айда, Синявский, айда!..

Мальчик сонно зевал, нехотя одевая брюки и мысленно проклиная Биркина со всеми его родичами. Сон был такой сладкий, мертвый сон усталости, а на палубе так сыро и холодно. Врет Биркин или нет – все равно не отвяжется, еще сделает какую-нибудь пакость. Решив, в силу этого размышления, сменить Биркина не в очередь с вахты, Синявский

встал и чуть-чуть не расплакался, вспомнив домашнее житье, сладкое и беспечное. Одно из двух: или Жюль Верн наглый обманщик, или он, Синявский, еще недостаточно окреп для морских прелестей. Палуба? Брр-р!..

Биркин успокоился, снял винцераду и шлепнулся на скамью против Мартына. Лицо его выражало ребяческое удовольствие и глубокое презрение к одураченному ученику, но надо было, хотя из приличия, сделать вид, что он, Биркин, только уступает справедливости.

– Ты, Синявский, у машины сиди, там теплее, – заботливо процедил он, плеснув в эмалированную кружку чаю из чайника и торопливо глотая мутную бурду. – Да того... дождевик мой возьми, слышь?..

Синявский продолжал молча возиться у койки, набивая папиросы, натягивая блузу и вообще бессознательно стараясь побыть дольше в теплом помещении.

– Ветер тронулся, – сказал Бурак. – Тумана не будет.

– Дует, да слабо! – Мартын важегато погладил бороду, скашивая глаза на мальчика. – Синявский, живей ворочайся, увидит помощник, что вахтенного нет – Биркину попадет!

– Наплевать! – отрезал Синявский, застегивая дождевик. – Я же еще должен заботиться! Так – час, Биркин?

– Час, дорогой мой, час! – предупредительно заторопился хитрец. – Иди с богом, дитяtko, иди! Ну, понимаешь, Синявский, ломает меня всего, совсем нездоров... беда!

– А ну вас к чертям! – яростно закричал ученик, подыма-

ьясь из кубрика в сырую, промозглую тьму.

Когда он ушел, четвертый матрос, смуглый и молчаливый, пристально посмотрел на Биркина и, слегка усмехаясь, почесал затылок. Биркин нахмурился, отвернулся и забарабанил в доску стола суставами пальцев. Брови его сдвинулись, он размышлял, но это продолжалось недолго.

– Мартын! – сказал он, зевая, – твоя вахта под утро?

– Агу! В четыре. Ты что кнека¹⁰ обеспокоил? Он ведь уснет, ей богу уснет. Ляжет на пассажира и уснет.

– Не мое дело. – Биркин самодовольно рассмеялся. – Эх, жизнь!

– Что – жизнь? – отозвался Бурак. – Твоя жизнь, брат, как и наша: в четверг получка, в Одессе случка! Ну, как – сошьет тебе портной бушлат к сроку, а? Голова садовая – вбухал пятнадцать рублей на тряпку.

– Вот беда! – Биркин презрительно сощурил глаза. – Твои, что ли? Зато фасонисто, эх! Пойду козырем по бульвару – девки честь отдавать будут. Ну... и... на случай смертельного декофта тоже не худо – вещь! Пять рублей можно... за пять рублей везде продать можно.

Вечная, неутомимая зависть Биркина к воспитанникам всех мореходных классов в России была его слабостью и бичом. Завидовал он, впрочем, не возможности каждого ученика стать штурманом, помощником и даже, при счастье, –

---

¹⁰ Кнек – чугунный столбик с утолщением наверху, служит для заматывания вокруг него канатов, в переносном смысле – остолоп, чугунная башка.

капитаном, а красивой форме – бушлату, т. е. пиджаку с золочеными якорями и пуговицами. Все жалованье этого матроса неизменно попадало в руки людей двух категорий: трактирщиков и портных. Портные шили Биркину щеголеватые брюки, жилеты с якорями на пуговицах, а сдача, после приобретения всех этих восхитительных предметов, пропивалась в компании пароходных забулдыг, с треском и дымом, с участками и скандалами.

– Вот я, – заявил Бурак, – бывал в самых критических положениях. Я держал такие декофты, что ежели иной увидит во сне, так семь раз мокрый проснется. Но боже меня сохрани продать хотя пуговицу! Напротив, – всегда почищусь, ботинки блестят, причесан скандебобром¹¹, хотя бы что! А никто не знает, что, может быть, вторые сутки мои зубы без всякого утешения.

– Работал? – осведомился Скуба.

– Работал! – передразнил Бурак. – Так же, как и ты! Когда знакомые пароходы стояли в Одессе, я не тужил. Я жил, как пап, у меня знакомств больше, чем у тебя волос на голове. Я пил утренний чай на «Олеге», завтракал на «Рассвете», обедал, скажем, на «Веге», чистил зубы на «Кратере», кушал вечерний чан на «Гранвиле», а спал на дубке «Аксинья». Впрочем, его недавно прихватило с черепицей под Гирлами¹² и,

---

¹¹ Скандебобр – волосы, выпущенные из-под фуражки на лоб полукруглой прядкой, матросское кокетство.

¹² Гирло – на юге России – название разветвления речного русла, протоки, со-

так сказать, повредило челюсти.

Бурак щеголевато плюнул и снисходительно посмотрел на товарищей. Левый его глаз выражал уважение к своему таланту жить по-воробыному, правый совсем закрылся от восторга и открылся только при словах Скубы:

– А все-таки ты дурак.

– Это почему? – мирно осведомился апостол декофта. – Как могла эта несообразная мысль прийти в твою несоразмерную голову?

– Очень просто. Ты не умный человек.

– А ты умный?

– Я, брат, вполне умный, потому что мне выпить хочется.

– Эге! Ты, Скуба, я вижу, совсем балда. Такого-то разума у меня все трюмы полны.

– Чего налить вам? Пива или вина? – насмешливо спросил Мартын. – Подходи к чайнику!

– Позвольте! – откашлялся Скуба. – Вы, Мартын, с вашей репутацией, не тревожьте свою особу. Тут дело серьезное. Есть афера.

– Верно, есть! – вполголоса подтвердил Биркин. – Десять бочек с хересом в Новоросс...

– Тсс... сс... – зашипел Мартын, облизывая губы и оглядываясь на каюту боцмана. – Чего кричать, ну? Чего шуметь! Люди спят, а ты галдишь!

Взглянув еще раз на полуотворенную дверь каюты, Мар-

тын уперся в стол подбородком, выпятив вперед бороду, и пронзительно зашептал, сверкая исподлобья острыми, ярославскими глазами:

– Взял трубку себе. Сам видел, как старый хрен вытащил трубку из-за божницы и сунул в карман, когда спать ложился.

Три тяжелых вдоха прорезали воздух единодушно и выразительно. Медная трубка, специально приготовленная для высасывания вина из бочек, оказывалась за пределами досягаемости, и в руках заговорщиков находился только буравчик, годный, конечно, для сверления дыр, но совершенно ненужный в качестве насоса.

Молчание было тягостное и непродолжительное. Биркин встал, повел плечами, взял в рот конец ленты от шапки, пососал ее, потом выплюнул, протянул руку и шепнул, указывая на каюту:

– У боцмана штаны есть?

– Нет, – серьезно ответил Бурак. – Он в юбку наряжается, да ведь...

– Мельница ты! – укоризненно перебил Биркин. – Снял он их, или нет?

– Агу! – крикнул Мартын. – А разве...

Биркин на цыпочках шмыгнул в дверь каюты, подкрался к боцманской койке и спокойно вытащил трубку из брюк, висевших на гвоздике. Вернувшись, он увидел три багровых от прыскающего смеха физиономии и многозначительно хмык-

нул.

Мартын просиял и даже загорелся от нетерпения. Скуба взглядывал поочередно на него и Бурака, мурлыкая небезызвестную песенку:

Прекрасно создан божий свет.
Мы в нем набиты, как селетки.
Но совершенства в мире нет —
Бог создал море не из водки!

– Мартын – ну? – спросил Биркин.

В тоне, каким это было сказано, заключалась масса вопросов: пить или не пить, идти всем сразу или по одному, или же нацедить в чайник и принести сюда. Эгоистический характер Мартына, однако, быстро решил все: он встал, надел шапку, молча взял трубку из рук Биркина и прошептал:

– Разве мы будем жадничать или торопиться? Как, значит, я открыл местонахождение трубки, – то пойду пососать, скажем, я. А потом по очереди.

– Возьми Бурака, – предложил Скуба. – Я знаю твою повадку: будешь целоваться с бочкой до самой гавани... если тебя за ноги не оттащить. Бурак – смотри за ним в оба – он обручи ест!

Последние слова догнали Мартына в тот момент, когда пятки его исчезали в отверстии люка. Бурак подождал немного и выскочил вслед за ним. В кубрике стало совсем тихо; спящие не шевелились, храпя и посапывая.

III

Биркин и Скуба, оставшись одни среди спящих, хлопнули друг друга по плечу и осклабились. Дело шло на лад. Тишина и мрак вполне благоприветствовали задуманному. Биркин осторожно нашарил рукой угол трюма, затем, подвигаясь дальше, коснулся железа, – это был тяжелый, висячий замок, соединяющий петли железных полос, охватывающих трюм. Скуба стоял сзади, тревожно прислушиваясь и ежеминутно вздрагивая, – дело было не шуточное. Биркин долго возился, осторожно вкладывая ключ; наконец, пружина щелкнула, освободив болт, – и матрос спешно отвернул брезент, вытаскивая одну из деревянных крышек, ближнюю к краю. Скуба подхватил ее, держа на весу. От волнения ему сделалось жарко, он тяжело и глубоко дышал, жалея, что нет водки или спирта, жидкостей, уничтожающих страх. Биркин сказал:

– Фонарь!

– Держи!

– Закрой меня моментально, без всяких следов, и вались в кубрик, на койку, слышь? Будто дрыхнешь. Я копать не стану, обождав минут десять, открывай, я тут буду.

Биркин изогнулся, протиснулся в небольшое отверстие и, держась руками за борт трюма, отыскал ногой трап. Скуба нагнулся и услышал в темноте шорох спускающегося чело-

века. Тогда матрос быстро поставил крышку на место, закрыл брезентом, привел болт в прежнее положение, не запирая замка, и, облегченно вздохнув, на цыпочках удалился к кубрику. Здесь постоял он несколько мгновений, прислушиваясь к доносящемуся снизу храпу спящих товарищей, потом спустился, лег на свою койку и натянул одеяло до самых ушей, возбужденный и восхищенный верным успехом.

Совершенная темнота, полное одиночество и наглухо закрытый сверху люк привели Биркина в хорошее расположение духа. Уверенно хватаясь за перекладки трапа, он скоро ощутил под ногами упругую поверхность мешков, остановился и передохнул. Вспомнив, что надо торопиться, он повертел фонарик в руках, открыл его и полез в карман за спичками. В брюках их не оказалось; Биркин поставил фонарь у ног, сунул руку за пазуху и вдруг с невероятной, лихорадочной быстротой начал шарить везде, выворачивая карманы, хлопая себя по фуражке, по груди и даже по сапогам. Очевидно, что спички были потеряны или просто забыты в полах. Биркину захотелось плакать. Растерявшись, с вихрем унылых, отчаянных мыслей в голове, он стоял неподвижно, с широко раскрытыми в темноте глазами, бессмысленно твердя:

– Ах, ах, ах! Господи! Господи! Господи!

Тишина угрюмо и беззвучно смеялась вокруг. Затхлый, сырой воздух трюма кружил голову. Биркин снова начал искать спички, ощупывая подкладку одежды. Иногда спичеч-

ная головка проваливается в дыру кармана. Но ничего не было. Нервный смех и тоскливый страх одолевали его. Немного овладев собой, он подумал, что стоять хуже, чем двигаться, надо предпринять что-нибудь. Идти наугад, ощупью? хотя почему бы и нет? Трюм забит почти доверху, можно ползти смело; ящики с одеждой, предмет вожелений Биркина, – большие, он найдет их руками. К тому же они лежат в самом углу, у задней стенки трюма, девять штук. Правда, неловко рыться в темноте, можно второпях забрать дюжину жилеток и ни одного пиджака. И потом, как забить их снова? Будь огонь, Биркин отыскал бы несколько штук рогож, заполнил опустошенные места и заколотил гвоздями.

Но другого выхода не было. Усилия, хитрость, риск, затраченные на это дело, были слишком значительны, чтоб возвратиться ни с чем. Уныло, одолеваемый сомнениями, матрос двинулся вперед нетвердой походкой слепого, расставив руки и спотыкаясь о мешки с мукой. Иногда ему приходилось становиться на четвереньки, чтобы переползти неожиданное препятствие в виде кипы хлопка, или предмета, закутанного в рогожи. Подвигался он инстинктивно тихо, мрак и тишина давили его. Трюм, так хорошо знакомый днем, теперь казался бесконечной, обширной пропастью, наполненной грузом.

Вскоре шершавое дерево ящиков коснулось его растопыренных пальцев. Он ожидал этого: в этом месте груз возвышался до самой палубы, во всю ширину парохода, от тим-

берсов до тимберсов¹³. Приходилось разбирать ящики, чтобы пролезть дальше, в пустоту. Матрос нащупал углы одного ящика, тяжелого, но маленького, отшвырнул его, прислушиваясь к мягкому шуму, нащупал и отбросил другой, и только что хотел взяться за третий, последний на своей дороге, как вдруг неожиданный толчок мысли опустил его руки. Третий ящик он увидел.

Правда, очертания углов ящика еле выступали из темноты и мгновениями таяли, убегая от напряженных глаз матроса, но все же это был свет. Ровная полумгла обнимала трюм, намечая темные груды товара и черный мрак позади Биркина. Бессильный объяснить что-нибудь, трясаясь от внезапного испуга, матрос заглянул вперед, протягивая голову, как утка из камышей, и прирос к ящикам: в пяти саженьях от него, на маленьком бочонке, сидел человек с внимательным, напряженным лицом, слегка бледным, но спокойным. Возле него, на углу большого деревянного ящика, мигая и трепеща, горела свечка.

Биркин потерял равновесие, упал на бок, стукнувшись головой о ящики, вскочил и бросился назад, путаясь в мешках, падая и вскакивая, с перекошенным от готового сорваться крика лицом. Дикий, остолбенелый ужас горел в нем, нелепо размахивая его руками. Темные груды протягивали к нему страшную паутину. Воздух душил его. Трап, казалось, отступал все дальше вперед, и сердце ломилось в груди, гото-

---

¹³ Тимберсы – ребра судна.

вое лопнуть, как ракета. У самого трапа Биркин снова упал, больно ударившись лицом в мучной мешок, и почувствовал, что умирает: твердая, невидимая рука схватила его за шею; нажим ее показался Биркину стопудовой тяжестью. Он тонко вскрикнул, слезы потекли из его глаз. И кто-то сдержанно шептал возле него, отчетливо и злобно:

– Я вылезу за тобой, трусишка. А ты молчи, если не хочешь быть в остроге. Понял?

Слова эти гремели ураганом в потрясенном сознании Биркина. Он взвизгнул, как кликуша, задыхаясь от мучной пыли:

– Я... все... я не... Помилосердствуйте! Всевышний! Батюшки!..

– Лезь наверх. Ах ты, боже мой! Ну, пожалуйста, лезь скорее!

Матроса тошнило. Оглушенный, не чувствуя своего тела, не думая даже о том, открыт люк или нет, Биркин вывалился на палубу. Скуба стоял тут, дрожа от беспокойства и нетерпения.

– Молчи! – шипел Биркин, шатаясь от слабости. – Молчи! ах – молчи! Молчи!

Скуба занес руку прихлопнуть трюм – и вздрогнул: другой Биркин вылезал кверху. Растерявшись, он отступил назад; человек ступил на палубу и, мелькнув, как тень, беззвучно скрылся в тумане.

– Биркин! – сказал Скуба. – Да что там?

– Молчи! Ах, молчи! – Матрос вздрагивал от плача. – Голова моя, голова!

Он направился к кубрику, шатаясь, как пьяный. Перепуганный Скуба дрожащими пальцами закрыл трюм. Мучительная тревога охватила его – он потерялся.

IV

Туманная сырость ночи мгновенно уничтожила в Синявском остатки сонливости, наградив его ознобом и чувством мстительной ненависти к двуногому существу, именуемому «человеком». Холодный, удушливый мрак слепил глаза и пронизывал нагретое постелью тело противным прикосновением сырости. Красное и желтое пятна света торчали в воздухе: фонарь грот-мачты и рулевая будка.

Расставляя руки, чтобы не споткнуться, Синявский осторожно двинулся мимо грот-трюма¹⁴ и галюонов, к машинному отделению, откуда, замирая в тишине, несся глухой, пыхающий шум поршней. Через два шага он споткнулся о веревку, протянутую поперек палубы, и грохнулся на живую, упругую массу, мохнатую и теплую. Пока он вставал, ругая скотопромышленников, перепуганные насмерть овцы приветствовали его жалобным криком, толкаясь и прыгая. Синявский перешагнул веревку и тронулся по свободной, правой стороне палубы, протягивая руки и переживая смутные опасения за целостность собственных ребер.

Но, хотя руки и помогали ему, – ноги не имели рук, и загнулись еще два раза за какие-то призрачные и враждебные в темноте ящики. Оправившись от толчков, вызванных этой

---

¹⁴ Грот-трюм – грузовое помещение у второй мачты, второй трюм.

неприятностью, он наступил снова, и на этот раз с тайным злорадством, на приютившегося у кухни палубного пассажира. Возня и сердитая гортанная речь убедили Синявского, что на палубе не одни бараны; опасаясь получить затрещину, он торопливо проскочил к машинному отделению, перевесился внутрь через квадратное отверстие, вырезанное в листовом железе, и облегченно вздохнул душным, нагретым воздухом.

Внутренность машины представляла полный контраст туману и неприветливости морской ночи. Далеко внизу, под тремя огромными, блестящими, как лак, стальными цилиндрами, сквозь переплет чугунных решеток и воздушных трапов, разделявших машинное отделение на этажи, блеснул красный огонь топок, и в ярком зареве угля, раскаленного добела, двигались, как адские грешники, маленькие, чумазные кочегары. Режущий глаза электрический свет заливал все. Плавно и легко, ритмически шипя отполированной поверхностью, из цилиндров бегали вниз и вверх огромные поршни. За кормой, скрытый водою и мраком, глухо бормотал винт. Пахло керосином, маслом, и казалось Синявскому, что машина – уютнейший уголок в мире, полном холода и тоски.

Он полулежал в окне, засунув руки в рукава «винцерады» и героически отражая атаки сна, пытавшегося взять приступом слабое тело пензенского мореплавателя шестнадцати лет и четырех месяцев от роду. Сознание ясно твердило Си-

нявскому, что спать на вахте нельзя, – вдруг засвистит вахтенный помощник или появится капитан. Но это же самое сознание, лукаво и незаметно, неуловимо и постепенно приняло сладкий, фантастический оттенок, когда шум кажется музыкой, а действие переносится за тысячи верст, в родное, уездное захолустье, где нет Черного моря и свирепого боцмана, а есть заштатная, гнилая речка, тощенький бульвар и пара кузин: черненькая и рыженькая. Синявский идет по аллее, и на нем чудесный, диковинный для уездной глуши наряд: белые, «майские», брюки, белая матроска, «галанка», с синим воротником, под ней – «тельник» с синими полосами, а на голове – лихо заломленная фуражка с надписью золотыми буквами: «Вега». Ветер треплет черные ленты, кокетливо лаская ими шею Синявского, и тысячная толпа смотрит на него, указывая пальцами:

– Моряк!

– Идет моряк!

– Вот моряк!

– Смотрите – моряк!

Кузины побеждены, и гимназисты в рыжих брюках получают отставку. Затем творится что-то необычайное, возможное только во сне, – дикое сплетение образов, темное и светлое, страх и радость...

Страшный удар в голову, способный раскрыть менее крепкий череп, вернул Синявского на пароход «Вега», к окну машинного отделения. Он вздрогнул, выругался и засто-

нал. Боцман ехидно смотрел на него, потирая ушибленные пальцы. Голова ныла, как обваренная, в глазах плавали золотые мухи.

– Синявский! Нельзя спать на вахте! – прошипел боцман. – Это вы дома можете, что вам угодно, а здесь – море!

– Вы... вы чего деретесь? – хныкнул Синявский. Губы его дрогнули, из глаз хлынули слезы. – Как вы смеете? – всхлипнул он, трясаясь от холода и бессильной, пугливой злости. – А? Чего вы?! Я вам покажу. Я...

Лицо боцмана по-прежнему сохраняло счастливое выражение. Он ненавидел учеников. Сделав усилие, мучитель нахмурил брови; его бегающие, мохнатые глазки сверкнули и замерли.

– Ну, ну! – сказал он, зевая. – Вот плачете теперь, а я вас хотя бы пальцем тронул. Да! Как это так – спать?! Ступай, жалуйся! – вдруг закричал он, наливаясь кровью. – Пшол, шушера! Иди, ябедничай!

– И пойду! – взвизгнул Синявский, давая волю слезам и размазывая их по лицу. – Вы что себе думаете? Вас оштрафуют, вот! Ишь, какой красивый!

– Ха! – кротко заметил боцман, скрываясь в темноте.

Синявский топнул ногой и, шатаясь от бешенства, сел на скамью. Второй раз! Первый раз он получил «блямбу» за то, что положил шапку на стол. Скажите, какое преступление! Необразованное мужичье, идиоты, суеверы – садиться на стол можно, а шапку класть нельзя! Хорошо, что кузинам

ничего не известно. Проклятая жизнь! Над ним издеваются с утра до вечера, прячут его брюки, бросают ему в кружку с чаем фунтовые куски сахара, насыпают соли!..

Он должен чистить гальюны¹⁵, а в порту неизменно торчать на вахте у сходней, – и все это за свои же девять рублей. Довольно! Он ревет – ну, что же из этого? Нельзя обижать человека, в самом деле – так, мимоходом!..

Совершенно расстроенный грубостью морской жизни, такой привлекательной издали и невыносимой вблизи, Синявский сделал несколько шагов к юту, все еще ругаясь и всхлипывая. Опасно жаловаться старшему помощнику, тот держит руку боцмана, лучше посмотреть, – спит капитан или нет. Пусть он рассудит, можно драться или нельзя? Медленно пробираясь среди всевозможной клади, загромаждавшей палубу, Синявский уперся во что-то холодное, круглое и большое. Вытянув руки, он ощупал препятствие – это была бочка. Расслабленный смех, сопровождаемый глухим бульканьем, заставил его прислушаться и остановиться.

Тихая возня продолжалась. Слышно было, как кто-то шарил в темноте, тяжело отдуваясь и подхихикивая.

– Сси! – бормотал Бурак, сидя на палубе между бочкой и бортом. – Я, друг, – ха-роший парень! И жизнь моя, братец, – горькая, прегорькая!.. Т-ты не можешь, конечно, проти-вусто-ять мне... Вот трубочка, милушечка, крантик дорогой!.. Первый сорт – жидкость эта самая... Сси!

---

¹⁵ Гальюн – отхожее место.

Товарищ его молча, но выразительно икнул и затих.

– Н-не можешь? Вы не можете? – продолжал Бурак. – Вы ослабли? Эта марка вам не под силу? Мартышка – ты где?

– М-молочко! – умиленно залепетал Мартын, продолжая шарить. – Была, видишь, овца тут. Подоить я хотел, а она сбегла... Я, брат, молочко уважаю, для отрезвления...

Он, действительно, минут пять назад, нагрузившись хересом до положения риз, поймал овцу и пытался подоить ее в шапку, но животное убежало, оставив Мартына в заблуждении. Он был уверен, что овца тут, недалеко, и что только темнота мешает ему нащупать ее шерсть.

Оба отяжелели так, что встать не могли, и продолжали нести всякий вздор, по очереди и уже без всякого наслаждения прикладываясь к боцманской трубке. Синявский стоял, думал и вдруг сообразил: трубка – боцмана, значит, матросы пьют с его ведома. А если так – то...

Не размышляя более, весь отдавшись чувству мстительной радости, охватившей его с ног до головы, дрожа от нетерпения и боязни, что капитан, может быть, спит, – Синявский отправился доносить. У дверей кают-компания он остановился, соображая – «вздуют» его за это или нет. Синявский решил, что «вздуют», но не отомстить было выше его сил. Он тихо отворил дверь.

– Ну, в чем дело? – спросил капитан. – Плакали, молодой человек? Срам! моряк, а ревет, как баба! Ну?

– Господин капитан! – взмолился Синявский, – меня

бьют, что же это, а? Боцман меня... сейчас... по голове... а я не спал совсем! А он... и там пьют из бочек... он дал им трубку... Они бочку просверлили... У него трубка всегда есть, чтобы из бочек вино воровать! А я...

Капитан удивленно слушал, пристально рассматривая ученика. Безусое, жалкое лицо торчало перед ним, мигая и всхлипывая. Драка, сплетни, доносы, мелкое воровство... Тьфу!

– Убирайтесь! – вспыхнул капитан. – Боцман дурак, а вы хороши, тоже! Вы ведь постоянно спите, походя! Слякоть! Мужчиной нужно быть, эх!..

Он выбежал наверх, не слушая запутанных объяснений ученика. Через минуту в том самом месте, где сладкие мысли о «молочке» тревожили сердце Мартына, раздалась энергичная морская брань, и любители хереса, поддерживая друг друга, направились в кубрик, отуманенные хмелем и руганью. Огненное слово: «Расчет!» сверкало в их головах, но оба принимали его радостно, без стыда и волнения; пьяным – им было море по колено. К тому же не в первый раз, хе! У трапа Мартын остановился и сосредоточенно потряс кулаком, крикнув во все горло:

– Расчет?! Ну, рассчитывай, ну! Я тебе покажу, выдра морская!..

V

Прошло полчаса – и странное известие разнеслось по всем уголкам «Веги», от первого класса до кочегарки, и от кухни до кают-компании: в трюме, по доносу Биркина, был обнаружен пустой, хорошо приспособленный для перевозки живого человека ящик. Самого хозяина этого секретного помещения, однако, найти не удалось, хотя были пущены в ход самые разнообразные усилия. Осмотрели все: шлюпки, подшкиперскую, угольные ящики, хлебные ящики; снова проконтролировали билеты, но билеты у всех оказались в безукоризненной исправности. Жулик высшей марки, очевидно, ускользнул, запасшись билетом еще в Одессе, и теперь, вероятно, преспокойно лежал себе где-нибудь в третьем классе, зевая и посмеиваясь.

– Я, – объяснял Биркин пассажирам, толпившимся вокруг него, – иду это... Вдруг – слышу... ходит кто-сь под палубой. А у меня ухо острое, – у!.. Сейчас ключ, отпер, – лезу... Вдруг как выпалит из левольверта!.. Я так и упал... Одначе, выскочил... а с перепугу не захлопнул люка-то... он за мной, да и тикать... Даже рожи не рассмотрел... Ищи его теперь – он, может, вот тут, промеж нас стоит, да слушает...

Слушатели нервно посматривали друг на друга, любопытно и подозрительно встречая каждое новое лицо, присоединяющееся к группе.

– Да-а... – продолжал Биркин. – Ящик, братцы, большой, и написано на нем, значит... «стекло». Вот тебе и стекло! Три ящика-то были... в двух стекло и есть, как следует... А третий – пустота одна... отмычки разные, струмент...

– Не успел, значит, – сказал толстенький сонный пассажир. – Ишь ты!..

– Н-да! – чмокнул кто-то.

– Хитро!.. – подхватил третий.

– Обмозговано!

– Умственный человек!..

Переполох, понемногу, улегся. И никто не подозревал, что только в Батуме обнаружатся действительные размеры опустошения, произведенного таинственным пассажиром. А обокрал он ни много, ни мало, – шесть багажных чемоданов, без взлома и разреза облегчив их от многочисленных золотых вещей.

«Вега» подошла к порту. С мостика раздался резкий крик капитана, сопровождаемый длительным, лязгающим грохотом. Винт замер, сотрясение корпуса прекратилось. Упал второй якорь, и снова гром железного каната потряс сонную тишину.

Лодка стучалась о трап парохода, беспокойно прыгая в ожидании пассажиров. Татарин-лодочник смотрел вверх на сумрачный железный борт «Веги», и весла неподвижно торчали в его руках. Брезжил рассвет. Ветер утих, но туман редел, воздушно белея над сонной зыбью бухты; люди и пред-

меты казались призраками. Трещали лебедки, выгружая товар в плоскодонные парусные фелюги, облепившие пароход.

Тот, кого искали и не нашли, протискался к трапу и быстро сошел вниз, держа в руках круглый, плотно набитый саквояж. Садясь в лодку, он машинально поднял глаза: все были заняты своим делом. Два силуэта двигались на площадке, отдавая приказания хрипылыми от бессонницы голосами. Жалобно кричали продрогшие овцы, брякало железо, где-то стучал молоток.

Лодка отчалила, ныряя, как чайка, в зеленых водяных ямах, и когда весла татарина сделали взмахов пятьдесят, — очертания парохода исчезли в утреннем, туманном сумраке моря. А впереди, медленно, точно вырастая, выдвинулся и ожил силуэт горного берега.

Ночь уходила на запад, рассвет золотился и грел воздух. Фиолетовая дымка тумана нежила умирающей лаской поверхность воды, струилась и таяла.

«Вега» снялась с якоря и взяла курс на зюйд-вест.